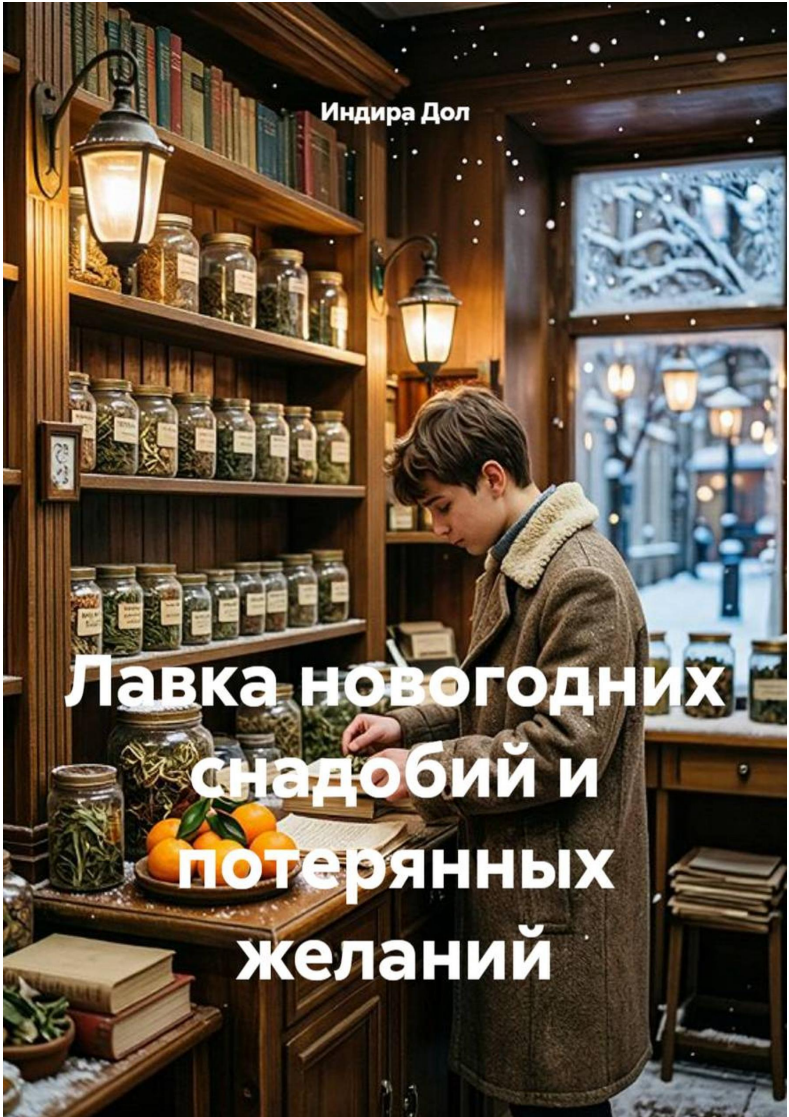
Индира Дол
Лавка новогодних снадобий и потерянных желаний

Индира Дол

Лавка новогодних снадобий и потерянных желаний

https://litres.ru/74955808
SelfPub; 2026

Аннотация

Декабрь в Переулке Фонарщиков — время, когда сугробы растут до крыш, а в воздухе пахнет хвоей, мандаринами и приближающимся чудом. Восемнадцатилетний студент-фармацевт Чора на месяц подменяет тётушку Агату в её старинной антикварно-травяной лавке. Убеждённый скептик и любитель строгих каталогов, он намерен навести в этом сказочном беспорядке научный порядок. Но вскоре выясняется, что баночки на полках хранят не просто сушёные травы. Один чай возвращает взрослым забытые мечты детства, другой замедляет время для тех, кто погряз в вечной спешке, а стоит перепутать ярлыки — и весь переулок начинает говорить друг другу только правду. Вместе с важным котом Барсиком Чора учится творить волшебство своими руками — и находит то, о чём сам боялся мечтать. Вас ждут уютные зимние истории и проверенные рецепты согревающих напитков и выпечки для тёплых декабрьских вечеров. Первая книга трилогии «Тихая магия зимы».

Индира Дол
Лавка новогодних снадобий и потерянных желаний

Название трилогии «Тихая магия зимы».

Книга 1. **«Лавка новогодних снадобий и потерянных желаний».**

Содержание

Глава 1. Инвентаризация по-декабрьски
Глава 2. Сбор от хронической спешки
Глава 3. Настойка на потерянных ключах и воспоминаниях
Глава 4. Осторожно: экстракт искренности
Глава 5. Незваный пушистый ревизор
Глава 6. Пропавший рецепт главного чуда
Глава 7. Новогодний переучёт
Глава 8. Полночь в Переулке Фонарщиков

Посвящается всем убеждённым скептикам, которые уверяют, что чудес не бывает, — но всё равно каждый год загадывают желание под бой курантов.

Глава 1. Инвентаризация по-декабрьски.

Декабрь в этом году выдался таким, словно небесная канцелярия решила разом выполнить пятилетний план по осадкам. Крупный, тяжёлый снег валил с самого утра, укутывая кованые решётки оград в пышные белые шубы, превращая уличные фонари в размытые жёлтые одуванчики и заставляя прохожих втягивать головы в воротники, как черепах.

Чора стоял у широкого арочного окна и с неодобрением смотрел на этот снежный разгул. Восемнадцатилетний первокурсник фармацевтического факультета искренне считал, что зима — это всего лишь неудачный температурный режим, при котором обостряются сезонные риниты, а транспорт ходит с преступным опозданием.

Сам Чора выглядел так, будто только что сошёл со страниц учебника по химии, но по дороге попал в снежную бурю. Высокий, немного угловатый в плечах парень с густыми тёмными бровями, упрямым подбородком и тёмно-карими глазами, в которых вечно плясали смешинки, даже когда он старательно хмурился. На переносице сидели строгие круглые очки в тонкой металлической оправе — Чора надевал их специально для солидности, хотя зрение у него было единицей. Из-под тёмно-синего вязаного свитера с высоким воротом торчал воротничок клетчатой рубашки, а на запястье поблёскивали старые механические часы на потёртом кожаном ремешке — подарок деда, тикавший громче, чем ходики на стене.

— Посидишь в лавке до тридцать первого, Чора, — звенел

в памяти бодрый, словно колокольчик, голос тётушки Агаты. Три дня назад она упорхнула в санаторий на Минеральные воды, оставив племяннику связку тяжёлых латунных ключей. — У тебя как раз зачётная неделя закончилась, до экзаменов ещё уйма времени. Там всё просто: травки, специи, старинные безделушки. Если кто зайдёт — улыбайся и заваривай чай. И ради Бога, не трогай синие склянки на самой верхней полке, у них пробки притёртые! И продавай травы и специи, ценники в справочнике.

— «Всё просто», — передразнил Чора, поправляя очки и оборачиваясь к залу. — Да тут санитарно-эпидемиологическая станция в обморок упадёт с порога!

Лавка втиснулась между старой букинистической лавкой и крошечной пекарней в самом конце Переулка Фонарщиков — узкой мощёной улочки, куда редко заглядывали туристы. Снаружи она казалась совсем крошечной, но внутри пространство словно раздвигалось, уходя в уютный, тёплый полумрак.

Потолок поддерживали массивные дубовые балки, потемневшие от времени, с которых свисали пучки сушёного зверобоя, лаванды, полыни и связки золотистых луковиц и острого чеснока, перевязанных суровой бечёвкой. Вдоль всех четырёх стен от самого пола до потолка тянулись резные стеллажи из тёмного ореха. Чего только не было на этих полках! Сотни пузатых стеклянных банок, глиняных горшочков, жестяных коробок с выцветшими картинками, медных

ступок с пестиками, старинных аптекарских весов с крошечными гирьками и толстых книг в кожаных переплётах с обтрёпанными уголками.

В углу, у кирпичной стены, тихо потрескивала чугунная печка-буржуйка с витой дверцей, сквозь слюдяное окошко которой пробивались живые оранжевые отблески. Рядом с ней на лоскутном коврике дремал пузатый медный самовар, начищенный до солнечного блеска. А воздух в лавке был такой густой, что его, казалось, можно было резать ножом: пахло сушёной мятой, гвоздикой, старой бумагой, пчелиным воском, жжёным сахаром и почему-то свежей летней грозой.

Вся эта сказочная неразбериха приводила будущего провизора в тихий ужас. С самого утра Чора вооружился толстой тетрадью для лабораторных работ, шариковой ручкой и твёрдым намерением провести полную научную инвентаризацию.

— Так, смотрим, — бормотал он себе под нос, придвинув к стеллажу скрипучую деревянную стремянку и вглядываясь в кривоватый бумажный ярлык, написанный тётушкиным размашистым почерком. — «Пыльца утреннего инея». Ну, конечно. Шалфей лекарственный, измельчённый, сухой. Так и запишем: позиция номер сорок два. А это что за безобразие? «Настойка на потерянных часах». Господи, тётя Агата, неужели нельзя было по-человечески написать: экстракт валерианы с пустырником? Никакой систематизации!

Он со взрослым, усталым вздохом переставил стеклянную

банку с сушёными апельсиновыми корками на полку к цитрусовым, смахнул рукавом невидимую пылинку с прилавка из толстого полированного дуба и покосился на входную дверь. Над ней на витом железном кронштейне висел крошечный бронзовый колокольчик, позеленевший от старости. С самого открытия в лавку не заглянула ни одна живая душа.

— И слава Богу, — буркнул Чора, спустившись со стремянки и доставая из-под прилавка обычный электрический чайник, принесённый из общежития. — Хоть конспекты по органической химии спокойно перепишу.

Когда вода закипела, он взял с ближайшей полки потёртую жестяную банку, на крышке которой золотистой краской было выведено: *«Сбор № 4. Для тех, кто забыл, как радоваться»*. Внутри оказались крупные тёмные листья, похожие на сушёную смородину, кусочки корицы, несколько сморщенных ягод шиповника и странные серебристые крупинки, которые мягко поблёскивали в полумраке, словно крошки нетающего снега.

— Наверное, сахарная пудра с ванилином слиплась, — авторитетно заключил Чора и щедро сыпанул горсть смеси в пузатый фаянсовый заварник с синими цветами, после чего залил всё кипятком.

В ту же секунду по лавке поплыл невероятный, ни на что не похожий аромат. Пахло не просто чаем с пряностями. В воздухе вдруг повеяло морозным воскресным утром, тёплой мандариновой кожурой, разложенной на горячей бата-

рее, мокрыми шерстяными варежками, сохнущими у печки, и тем щемящим, забытым детским счастьем, когда тебе восемь лет, впереди две недели зимних каникул, а под пушистой ёлкой таинственно шуршит обёрточная бумага.

Чора замер с чайником в руке, нахмурил густые брови и шумно принюхался.

— Ароматизаторов туда, что ли, набухали? Идентичных натуральным... Надо будет завтра состав на хроматографе проверить.

Не успел он договорить, как тяжёлая дубовая дверь со скрипом распахнулась. Бронзовый колокольчик над ней не звякнул, как полагается старой меди, а издал тонкий, серебристый, переливчатый звон, удивительно похожий на чей-то тихий смех.

Вместе с клубами морозного пара и вихрем снежинок в лавку ввалился посетитель. Это был высокий мужчина лет сорока пяти в дорогом, но небрежно расстёгнутом кашемировом пальто тёмно-серого цвета. В одной руке он сжимал кожаный портфель с потёртыми углами, а другой рассеянно растирал покрасневший от холода лоб. На его густых тёмных волосах с проседью на висках таял снег — шапки на нём не было. Лицо у гостя было осунувшееся, с глубокой вертикальной складкой между бровями и тёмными кругами под глазами — так выглядят люди, которые уже много месяцев подряд ложатся спать после полуночи и просыпаются с мыслью о нерешённых проблемах.

— Закрыто, — автоматически сказал Чора, стараясь придать своему голосу басовитую, взрослую солидность, хотя на стекле двери красовалась табличка «Открыто». — То есть учёт. Вернее, кассовый аппарат не подключён.

Мужчина остановился посреди зала, словно наткнувшись на невидимую стену. Он медленно, глубоко втянул носом тёплый, пряный воздух лавки и вдруг замер. Опущенные плечи его, до этого напряжённые, как туго натянутые струны, медленно распрямились. Глубокая складка на лбу разгладилась.

— Чем это у вас так пахнет? — тихо, почти шёпотом спросил он, глядя на пузатый заварник на прилавке, из носика которого тонкой струйкой вился белый пар.

— Шиповником, корицей и нарушением техники безопасности, — проворчал Чора, но, приглядевшись к измученному лицу гостя, тут же смягчился. Воспитание брало верх над напускной суровостью. — Да вы присядьте уж, раз зашли. На улице метель, а вы без головного убора. Заработаете бронхит — никакие праздники не понадобятся.

Мужчина послушно, словно во сне, опустился на высокий резной табурет у прилавка и поставил портфель на пол. Чора достал с полки толстую глиняную кружку с отбитой щербинкой на боку, налил в неё тёмно-янтарный, дымящийся настой и подвинул гостю.

— Пейте. Только осторожно, температура градусов восемьдесят пять, не обожгите слизистую.

Посетитель обхватил тёплую кружку озябшими пальцами, закрыл глаза и сделал маленький, осторожный глоток. Потом открыл глаза, посмотрел на Чору с таким видом, будто увидел живого динозавра, и сделал ещё один глоток — уже большой.

— Слушайте... — голос его дрогнул и стал совсем другим, живым и тёплым. — Невероятно... Я ведь в детстве мечтал строить парусники. Настоящие, деревянные, внутри стеклянных бутылок. Помните, такие, с крошечными реями, белыми парусами и тончайшими ниточками вместо вант? Отец мне даже набор резцов подарил на Новый год, когда мне десять стукнуло. А потом — школа, юридический факультет, ипотека, суды, бесконечные отчёты... Я двадцать пять лет об этом не вспоминал! Вообще ни разу! А сейчас глотнул вашего чаю — и будто снова в своей детской комнате сижу, за окном снег идёт, на столе столярным клеем пахнет, и я парус из старого носового платка вырезаю...

Он замолчал и растерянно улыбнулся, глядя на свои ладони, будто впервые их увидел.

Чора недоверчиво покосился на жестяную коробку «Сбор № 4», потом поправил очки на переносице и напустил на себя вид умудрённого опытом профессора.

— Обычное психоэмоциональное самовнушение, — сухо диагностировал он. — Летучие эфирные масла воздействуют на обонятельные луковицы, те передают импульс напрямую в гиппокамп, который отвечает за консолидацию долго-

временной памяти. Элементарная нейрофизиология. Никакой мистики.

— Сколько я вам должен? — мужчина потянулся во внутренний карман пальто за бумажником, но вид у него теперь был такой светлый и лёгкий, словно с его плеч только что сняли мешок с кирпичами.

— Ничего, — отрезал Чора и спрятал руки за спину. — Чай не введён в номенклатуру, чек пробить не могу. Идите лучше шапку купите в соседнем квартале. И... ну, рейки сосновые в столярной мастерской на углу. Я утром мимо проходил, там на витрине отличные заготовки лежали. И клей столярный у них тоже есть.

Мужчина рассмеялся — впервые за долгие месяцы по-настоящему громко, раскатисто и свободно, — крепко пожал Чоре руку через прилавок, поблагодарил и вышел за дверь. Бронзовый колокольчик проводил его тихим, довольным перезвоном.

Чора остался один в тишине лавки. Потрескивали дрова в чугунной печке, тикали дедовские часы на запястье. Парень медленно подошёл к полке, взял в руки потёртую жестяную банку «Сбор № 4», потряс её возле уха и внимательно осмотрел дно. Никаких потайных отделений, капсул или электронных чипов там, не было. Только сухие тёмные листья да крошечные серебристые крупинки, которые тихо светились в сумерках лавки, словно в банку случайно попала горсть настоящего зимнего волшебства.

— Показалось, — твёрдо сказал себе Чора, но вместо тетради по органической химии вдруг потянулся за старой толстой книгой тётушки Агаты в потёртом зелёном переплёте. — Определённо показалось. Просто освещение здесь никуда не годится.

Он сел поближе к печке, раскрыл книгу на первой странице и с удивлением обнаружил, что на душе у него стало так тепло и спокойно, словно за окном вовсе не бушевала декабрьская вьюга, до самого доброго праздника в году оставалось всего несколько дней.

Глава 2. Сбор от хронической спешки

Утро следующего дня в Переулке Фонарщиков началось со странного открытия.

Проснувшись пораньше, Чора спустился в лавку, намереваясь продолжить строгую научную опись, но обнаружил, что толстая тетрадь в зелёном сафьяновом переплёте, которую он вчера вечером оставил закрытой на столе у печки, лежит раскрытой ровно посередине. Более того — страницы, которые накануне казались совершенно пустыми и желтоватыми от старости, теперь были исписаны ровным, чуть наклоненным почерком тётушки Агаты, словно чернила проступили сквозь бумагу ночью, пока в печи догорали угли.

Чора поправил круглые очки, подошёл ближе и с подозрением потрогал лист пальцем. Бумага была сухой и тёплой.

— Симпатические чернила, — пробормотал он, стараясь

звучать как опытный криминалист. — Наверное, лимонный сок или хлорид кобальта. Нагрелись от буржуйки и проявились. Тётя Агата всегда любила театральные эффекты.

Однако текст, который он прочёл вверху страницы, заставил его нахмурить густые брови:

«Правило второе. Если в декабре в дверь стучится человек, у которого вместо сердца тикает секундомер, — не продавай ему безделушки. Завари три щепотки Сбора от хронической спешки. Но помни: пока не остынет чашка, часы в лавке пойдут вспять, а за дверью остановится даже ветер».

— Какая-то поэтическая метафора для синдрома хронической усталости, — фыркнул Чора и захлопнул книгу, хотя внутри у него против воли шевельнулось любопытство. — Обычная седативная фитотерапия.

Не успел он дойти до прилавка, как тяжёлая дубовая дверь распахнулась с таким резким стуком, будто в неё врезался порыв ураганного ветра. Старинный бронзовый колокольчик под потолком не зазвенел, а издал короткий, тревожный дробный звук — точь-в-точь как звонок будильника в понедельник утром.

На пороге стояла женщина. Ей было около тридцати пяти, но казалось, что она движется на скорости экспресса, который забыл, что такое тормоза. Строгое шерстяное пальто цвета горького шоколада было накинуто поверх идеального брючного костюма, светлые волосы собраны в тугой,

безупречный узел, из которого не выбилась ни одна прядь, а в одной руке она сжимала сразу два предмета: тонкий кожаный ежедневник и телефон, экран которого непрерывно вспыхивал новыми сообщениями.

В лавку вместе с ней ворвался запах парфюма с нотками холодного кедра, морозного воздуха и лёгкой, едва уловимой паники.

— Доброе утро, скажите, у вас есть что-то статусно-антикварное? — заговорила она быстро, чётко, не глядя на Чору и одновременно пролистывая ленту на экране смартфона. — Желательно девятнадцатый век, серебро или карельская берёза. Мне нужен подарок для ключевого партнёра, у меня ровно семь минут до встречи на площади, курьер подвёл, а в центральных галереях одна штамповка!

Она подняла взгляд — серые, умные, но совершенно измученные глаза с лёгкой тенью бессонницы — и наконец сфокусировалась на высоком худощавом парне в круглых очках и вязаном свитере, который стоял за прилавком с видом строгого аптекаря.

— Вы владелец? — удивилась она, машинально глянув на тонкие золотые часики на своём запястье. — Я думала, здесь работает пожилая дама... Впрочем, неважно, время идёт. Покажите, что у вас есть из редкого.

Чора посмотрел на неё поверх очков. Он видел, как мелко дрожат её пальцы, сжимающие ежедневник, как напряжены скулы и как она даже сейчас, стоя в тихой, пахнущей ко-

рицей и сушёными травами лавке, продолжала притопывать каблуком сапога в такт невидимому таймеру.

В памяти вдруг всплыла утренняя строчка из зелёной книги: *«...у которого вместо сердца тикает секундомер»*.

— Касса на перезагрузке, — невозмутимо соврал Чора, повторяя вчерашний приём, и кивнул на резной дубовый стул у прилавка. — Займёт ровно пять минут. А на улице минус двенадцать. Присядьте, иначе у вас случится спазм сосудов на фоне переутомления.

— У меня нет пяти минут, молодой человек, у меня в двенадцать ноль-ноль подписание контракта, а в два совещание с советом директоров... — начала она, но вдруг замолчала, потому что Чора уже снял с верхней полки пузатую банку из тёмно-зелёного стекла, на которой бумажный ярлык был приклеен криво, зато обведён серебристой тушью: *«Сбор от хронической спешки»*.

Когда он откупорил притёртую пробку, по лавке пронёсся тихий, едва слышный вздох — словно кто-то в дальнем углу комнаты опустился в глубокое мягкое кресло после долгой дороги. Внутри банки лежали сушёные листья лимонной мелиссы, бледные соцветия липы, крошечные звёздочки бадьяна и странные тонкие нити, похожие на застывший солнечный свет, который поймали в конце августа и высушили между страницами старой книги.

Чора бросил три щепотки в фаянсовый чайник, залил кипятком и накрыл вязаной грелкой.

— Что это? — настороженно спросила гостья, но всё же опустилась на край стула. Телефон в её руке снова завибрировал, и она поморщилась, как от зубной боли.

— Липа, мелисса и немного бадьяна, — спокойно ответил Чора, наливая в чашку прозрачный, золотисто-янтарный настой. — Снимает тахикардию и избыточный выброс адреналина. Пейте, пока не остыло.

Женщина взяла чашку, сделала один глоток — просто из вежливости, чтобы не спорить, — и в ту же секунду в лавке произошло нечто странное.

Дедовские часы на запястье Чоры, которые всю жизнь тикали громко и отчётливо, вдруг замолчали. Секундная стрелка замерла на цифре двенадцать, дрогнула — и медленно поплыла назад. Снаружи, за широким арочным окном, густой декабрьский снег, который только что косо нёсся мимо стёкол, остановился в воздухе. Снежинки повисли в полуметре от земли, словно крошечные белые фонарики на невидимых ниточках. Даже огонь в чугунной печке перестал метаться и застыл спокойным, тёплым янтарным цветком.

Чора замер с чайником в руке, чувствуя, как по спине пробежал лёгкий холодок. Никакая органическая химия этого объяснить не могла.

А женщина закрыла глаза. Её плечи, приподнятые от вечного напряжения, медленно опустились. Пальцы разжались, и тяжёлый кожаный ежедневник с глухим стуком упал на прилавок, раскрывшись на странице, где весь день был рас-

писан по минутам красным маркером.

— Странно... — прошептала она, не открывая глаз, и голос её вдруг стал мягким, грудным, без привычной металлической звонкости. — Тишина какая. Я уже три года не слышала тишины. Всё время звонки, цифры, графики, отчёты... Я даже не помню, какого цвета гирлянду мы в прошлом году вешали на ёлку. И купила ли я дочери те коньки, о которых она писала в письме Деду Морозу...

Она открыла глаза и с удивлением посмотрела на свой телефон. Экран погас, ни одно уведомление больше не мигало. Потом она перевела взгляд на Чору.

— Сколько я здесь сижу? — тихо спросила она. — Наверное, уже полчаса прошло? Я опоздала на встречу?

Чора покосился на свои часы. Секундная стрелка сделала ещё один плавный шаг назад и снова пошла вперёд, как ни в чём не бывало. За окном снег возобновил свой неспешный полёт, а в печке весело треснуло берёзовое полено.

— Две минуты, — честно сказал Чора, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце у него колотилось где-то в районе горла. — У вас в запасе ещё пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.